Антирубрика

ЖОРЖИ АМАДУ

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ ПОЛОСАТОГО КОТА И СЕНЬОРИТЫ ЛАСТОЧКИ

Перевод с португальского ***ЛИЛИАНЫ БРЕВЕРН***

Тот радостный день придет,
Обещает вам Да Кунья,
Когда однажды Кот
Ласточку замуж возьмет,
И бродяга, и щебетунья
Отправятся в полет.
Отправятся в полет
Дона Ласточка и дон Кот.

(Лирические
и философские куплеты
Эстевана де Куньи,
народного поэта,
живущего в Баии
на Рынке Семи Ворот)

Утро занимается медленно. Ленивица Заря потягивается, с трудом приоткрывает заспанные глаза, поглядывает на землю — никак не приступит к своим обязанностям. «Поспать бы всласть!» Случись ей выйти замуж за богатого, раньше одиннадцати вставать не станет, не ждите. Окна занавесит и кофе будет пить в постели. «Вот это жизнь! — Мечты девицы на выданье.— Не то что у служащей с твердым распорядком дня, которая вынуждена подниматься чуть свет, чтобы гасить зажженные Ночью звезды. Ночь боится темноты. Она же трусиха».

И вот идет полусонная, зевающая Заря по горизонту и гасит звезду за звездой поцелуем. Случается, какие и пропустит. И те горят себе при свете дня безо всякой радости — тусклые-претусклые. Невеселое зрелище. Потом Заря будит Солнце. Работа не из легких, скажем прямо, и не для такой хрупкой девицы: сначала нужно раздуть огонь, пусть слабенький, в остывших за ночь угольях, потом поддерживать дрожащее пламя, пока не запылает костер. Одна бы она возилась целую вечность, но ей помогает могучий Ветер. Какому глупцу придет в голову, что ветер налетел случайно? Всем известна тайная страсть Ветра к Заре. Тайная? Теперь она уже явная и у всех на устах.

О самом Ветре судачат разное: говорят, что он плут и мошенник, каких поискать. Чего только он не выкидывает: гасит лампы, фонари, светильники. И все это — чтобы напугать Ночь. А то и вовсе — сбрасывает нарядную одежду деревьев, оставляя их нагими. Шутки дурного тона! Меж тем как это ни невероятно, но Ночь ждет его прихода, а деревья — бесстыжие! — так просто в ножки кланяются, когда он приходит.

Одно из любимейших его занятий — поднимать вверх женские юбки, выставляя напоказ все, что под ними скрыто. Эффектный трюк в старое доброе время! Тогда он вызывал жадные взгляды, двусмысленные восклицания, восторженные «ахи» и «охи». Но... только тогда, потому что сейчас никого этим не удивишь: все и так напоказ выставлено. Смотреть противно. Однако кто знает... Может, будущие поколения объявят войну всему, что вот так выставлено напоказ и легко доступно, и на митингах и демонстрациях будут требовать того, что скрыто и трудно достижимо?

Но пока, пока так, как есть. Так что не будем скрывать пороки Ветра, но и не бу-

© Jorge Amado, 1976.

дем замалчивать достоинств, причем явных: веселый, живой, подвижный, легко вальсирующий, ласковый и всегда готовый помочь другим, особенно женщинам.

Как бы он рано ни поднялся, каким бы холодным ни был, где бы ни находился, сколько бы трудных и дальних дорог ни прошел, на рассвете он у дома Солнца, чтобы помочь Заре. И вот он дует и дует своим огромным ртищем. Но едва затеплится пламя, предоставляет его заботам Зари — она помахивает веером бризов,— а сам принимается вспоминать и рассказывать все любопытные истории, что довелось ему увидеть и услышать в его бесконечных странствиях. Он говорит о заснеженных горных вершинах, что скрыты тяжелыми тучами, о головокружительных пропастях, которые вряд ли когда-нибудь доведется увидеть Заре.

Отчаянная голова, ходок, каких мало, любитель поинтриговать, Ветер берет любые преграды, подчиняет себе жизненные пространства, проникает в святая святых, заполняя свою переметную суму историями для тех, кто пожелает их послушать.

И вот Заря, слушая то смешные, то печальные истории Ветра, некоторые из которых очень длинные и с продолжением, совсем запаздывает и, принявшись было за дело, забывает о нем, вся во власти рассказчика. Она грустно улыбается, от особо трогательных историй ее глаза увлажняются, и она замедляет ход времени, которое в свою очередь замедляет ритм маятников и часовых стрелок, чтобы в тот момент, когда Заря наконец займется, они показали нужное время. От такого многие часы с ума посходили: спешат или отстают, перепутав день с ночью и ночь с днем, и вряд ли когда-нибудь покажут верное время. Кое-какие даже встали, встали навсегда А всемирно известные точные часы, что находятся на башне всемирно известной фабрики всемирно известных часов (самые точные в мире),— олимпийские чемпионы времени покончили жизнь самоубийством, повесившись на собственных стрелках. Они не в силах были вынести медлительность Зари и отставания производства. Ведь то были швейцарские часы с чувством ответственности и патриотическим долгом.

Да что там часы! Петухи и те потеряли голову: запели, возвещая восход Солнца, когда Заря еще только его будила, слушая Ветер. От такого утратишь оптимизм и повесишь гребешок. Однако петухи вместе с часами направили своему общему начальству — Времени — протест из восьми параграфов и двадцати шести бесспорных пунктов. Но Время — эта бесконечная величина — не придало этому посланию большого значения: часом раньше, часом позже. Стоит ли волноваться из-за такой мелочи. Да и что такое час в сравнении с вечностью?! А кроме того, во всем есть положительный момент — нарушена монотонность. К тому же Время тоже неравнодушно к Заре. Молодая, румяная, радостная, легкомысленная, не придерживающаяся буквы закона. Хоть рядом с ней оно забывало свою вечную скуку и свой хронический бронхит.

Однако на этот раз Заря уж слишком припозднилась Ветер и тот пытался прервать свой рассказ, обещая досказать его завтра, но она не согласилась и настояла на своем, требуя подробностей. Ну и расстались они с Ветром, когда уже Солнцу пора было припекать.

И вот, одетая в светлый шелк с голубыми и красными радужными переливами, появилась Заря на горизонте. Она задумчива, как видно, все еще во власти рассказанной Ветром истории, вызвавшей явное смятение чувств.

До чего же ей наскучили ее обязанности зари, наскучило алеть во всю ширь горизонта. И как бы хотелось понять намерения Ветра. Почему он рассказал именно эту историю? Какая в ней мораль? А может, никакой? Может, это просто любовь к искусству рассказывать? Очень хочется Заре разгадать умысел собеседника по его глазам, по его неожиданному вздоху в конце рассказа.

Уж не по ней ли, в самом деле, как толкуют кумушки, вздыхает Ветер? Может, решил просить ее руки? Выйти замуж за Ветер? Неплохая идея! Тем более он богатый. Да и во всем ей помогает: гасит звезды, разжигает Солнце, сушит росу, раскрывает цветок, имя которого Одиннадцать часов, но Заря, только чтобы всем досадить, заставляет Ветер это сделать между девятью и половиной десятого или даже в десять. Если она станет супругой Ветра, то будет выше всего этого: полетит с ним над горами, заскользит по вечным снегам, побежит зыбью по зеленому хребту моря, запрыгает на его волнах, а если устанет, отдохнет в пещере, куда днем прячется Темнота, чтобы там отоспаться.

Очень даже может быть, что этот старый холостяк, такой независимый и переменчивый, решил наконец избрать себе спутницу жизни. Но сколько же рассказывают о нем скандальных историй! Сколько у него любовных приключений! То он кого-то похитил, то он кого-то преследует. На него гневаются мужья и клянутся отомстить. Нет, качает головой Заря, Ветру даже мысль о женитьбе не приходит. У него, как говорили в старое доброе время, нет серьезных намерений.

Так что и мечтать нечего. Занятая этими размышлениями, идет себе Заря, забыв о Времени. В ожидании ее остановились часы, охрипли петухи, что возвещали приход Солнца. Где же оно? Где? «Неужели еще нет пяти? — изумляются проснувшиеся люди, глядя на часы.— И почему до сих пор не встает Солнце?» Но на небе только тусклый рассвет. Он мешается с пепельным светом уходящей ночи. Уж не свето ли преставление? Спаси и помилуй. Такого еще не видывали.

И тут всеобщие нарекания вынуждают Время, спрятав сообщническую улыбку в усы, побранить Зарю за опоздание, призвав ее к порядку, пригрозив наказанием. Заря, оправдываясь, щебечет подобно птице:

— Я слушала рассказ Ветра. Ну и опоздала на час.

— Рассказ Ветра? — заинтересовалось Время, всегда искавшее лекарство скоротать вечность.— Ну-ка, ну-ка расскажи мне и, если я найду, что он интересен, прощу тебя. И не только прощу, но и награжу Голубой розой, которая выросла, дочь моя, много веков назад. Теперь такие не растут, потому

что в мире все меняется к худшему, конечно.

Ох уж это скучающее Время!

Заря усаживается подле старика, оправляет складки своего платья и начинает рассказывать. Где-то посередине истории Время задремывает, но Заря не прерывает своего рассказа, потому что ей в этом рассказе слышится голос Ветра. Где он сейчас, этот проказник, раздевающий деревья, нагоняющий облака, преследующий Дождевую тучу? Дождевая туча и Ветер близкие задушевные друзья. Только ли друзья? Заря озабоченно хмурится.

(Историю, которую рассказывает Заря, чтобы получить Голубую розу, она слышала от Ветра. Я же перескажу ее со слов всем известной жабы Куруру, что живет на поросшем мхом камне на берегу гнилого болота, среди тоскливого и негостеприимного пейзажа. Старый товарищ Ветра выдающаяся жаба Куруру рассказала мне эту историю, чтоб упрекнуть Ветер в безответственности. Надо же! Ударился в фантазию, вместо того чтобы в своих далеких странствиях посвятить себя изучению чего-либо достойного: санскрита, например, или иглоукалывания. Жаба Куруру — доктор философии, профессор лингвистики, специалист по року, член-корреспондент права национальной и иностранных академий, знаток всех мертвых языков. Если рассказ вам покажется не столь прекрасным, то вина в том не Ветра, не Зари, не тем более жабы Куруру — почетного доктора (гонорис кауза), а человека. В его устах истории не всегда сохраняют свое очарование. Музыкальность и поэтичность Ветра утрачивается.)

Весна

Когда пришла светлая, веселая Весна, благоухающая тончайшими ароматами зацветших лугов, полей и лесов, Полосатый кот с удовольствием потянулся и открыл свои темные, злые и некрасивые глаза. Злые и некрасивые, согласно общему мнению, как, согласно общему мнению, злым и некрасивым все считали это желто-черное полосатое существо, сильное и подвижное. Это сильное и подвижное полосатое существо было уже не молодо и, по всему видно, давно забыло свою первую весну, когда резво бегало среди деревьев, гуляло по крышам, пело любовные серенады, без сомнения нагловатые и плутоватые. Разве может подобное чудовище петь чувствительные романсы? Да такое эгоистичное и независимое существо во всей округе поискать надо! Ни с кем Полосатый не был в дружеских отношениях, ни с кем не раскланивался, хотя кое-кто из страха, конечно, и приветствовал его при встрече. Вечно он что-то ворчал себе под нос и прикрывал глаза, точно ему наскучило все происходящее вокруг.

А между тем все происходящее вокруг, вся жизнь в ее проявлениях была прекрасна: распускались благоухающие бутоны, перепархивали с ветки на ветку птицы, пуская переливчатые трели, курлыкали голуби, резвились на газоне щенята, только что появившийся на свет выводок цыплят следовал за гордо квохтающей наседкой, в чистых водах озера большой Черный селезень охаживал изящную Белую уточку.

Но к Полосатому никто не приближался, а если к кому-нибудь приближался он сам, то... Цветы закрывались. Поговаривали, что однажды он смял своими лапами Белую лилию, в которую были влюблены все Розы двора. Так ли это? Никто не знал. Но сомнению не подвергал. Ходили слухи, что он, этот злодей, похитил крошку Соловья. Соловьиха-мать, не найдя сына в гнезде, покончила жизнь самоубийством: она воткнула себе в сердце шип дерева мандакару. Ее похороны были печальны, а сколько проклятий было адресовано этому разбойнику. Он ли это? Никто не знал. Но, должно быть, он. Посмотрите на его усатую рожу. Ну и страшен! Убийца, ясно.

Вот и голуби ворковали подальше от Кота, ведь они были уверены, что красоткой Горлинкой, по которой до сих пор грустит Почтовый голубок, полакомился именно он. Конечно, лучше бы проверить. Но как сказал его преподобие Попугай: кому же быть, как не этому типу? Ни бога, ни черта не признает. Он это, он!

В курином семействе первой заботой было обучить золотистых цыплят искусству спасаться от когтей Полосатого, ведь все утверждали, что именно в них погибли их старшие братья и сестры. (Не говоря уже о яйцах, которые тот таскал, чтобы кормить свою гнусную особу.) Черный селезень и слышать ничего не хотел об этом звере, который терпеть не мог воду, столь любимую его семейством. Вот щенки, те поначалу пытались завязать с ним дружбу: вместе прыгать и вместе бегать. Но Полосатый зашипел, поднял шерсть дыбом и поцарапал им морды, тем самым надсмеявшись над ними, их родителями, их предками далекими и близкими и всем их собачьим родом.

Отвратительный субъект. Разбойник, эгоист. С утра, греясь на солнышке, он полеживал на травке, но как только оно достигало зенита, шел в тенек. Неблагодарный! А история Гуабейры, кора которой была изъедена шашелем? В каком заблуждении она пребывала! Ведь она питала иллюзии, что Кот в нее влюблен, и даже похвалялась этим перед другими деревьями. А все потому, что он вечерами точил свои когти о ее сучковатый ствол. А она-то, она-то заважничала, решила, что оригинальна, раз ей отдает предпочтение такое сложное и всеми отвергнутое существо, и, сделав нелегкую пластическую операцию — удалив все сучки и задоринки, что портили ее стройный ствол,— ждала его прихода, чистая и гладкая. А Кот, увидев, что не во что вонзить когти, повернулся к ней спиной и никогда больше в ее сторону не глядел. С тех пор Гуабейра стала объектом злых шуток. Даже старая Сова, что жила на высокой Жакей-

ре, и та разухалась от смеха, услышав эту историю.

Но, чтобы быть точным, надо сказать, что Полосатый кот никакого внимания на ходившие о нем слухи не обращал. Может, конечно, он о них вообще не знал: ведь он ни с кем не разговаривал, разве иногда со старой Совой. А Сова, с мнением которой все считались, как правило, говорила, что не так уж он плох и все это от простого непонимания друг друга. Все слушали ее, уважая ее возраст, кивали головами, но Полосатого продолжали избегать.

Вот так и жил он, этот Полосатый кот, когда во всем своем многоцветии и разнообразии ароматов и мелодий во двор пришла Весна. Краски ее были веселые, ароматы — дурманящие, мелодии — гармоничные. Когда она внезапно и по-хозяйски объявилась во дворе, Полосатый спал, но ее настойчивое и ощутимое присутствие разбудило его. Он открыл свои темные глаза и потянулся. Случайно взглянувший на него Черный селезень так и обмер от страха: ему показалось, что Кот улыбается.

— Тебе не кажется, что он смеется? — спросил он, подозвав к себе Белую утку.

— Святый боже! Действительно смеется...

Смеющимся Кота еще никто не видел. Белая утка даже за сердце схватилась. Кот смеялся. Смеялся его рот, но что уж совсем было невероятным — смеялись его темные глаза.

И вдруг он развалился на газоне и стал кататься по траве. Потом мяукнул. Мяукнул словно простонал. Это произвело особенно сильное впечатление на всех окружающих. Проходившая мимо со своим выводком наседка Карижо, крикнув «ко-ко-ко», упала в обморок. Хорошо, цыплята ее поддержали.

Тут подлетел петух Дон Жуан де Роде Исланд. Из всех кур его гарема Карижо была самой любимой. Он помог ей подняться и испустил воинственный крик, повторив его чуть позже, когда Полосатый опять стал кататься по траве и опять мяукнул. Бог мой, это было романтическое мяуканье!

Дон Жуан де Роде Исланд смутился, во дворе воцарилась тишина. Даже воркования голубей не было слышно, так всех перепугало поведение Полосатого.

— Он сошел с ума,— поставил диагноз известный в округе медик Индюк.

— Готовится к новой подлости,— шепнула Карижо, придя в себя и увлекая за собой цыплят и Дон Жуана де Роде Исланд.

Тем временем Кот поднялся, выгнул спину дугой, потянулся, чтобы лучше ощутить неожиданное тепло, задвигал ноздрями, ловя новые, до сих пор неизвестные запахи, расцвел в сердечной улыбке ко всему его окружающему и двинулся вперед.

Это-то и обратило всех в бегство: Черный селезень потащил Белую утку на озеро и, переплыв его, укрыл свою подружку в безопасном месте. Голуби спрятались на голубятне. Собаки принялись раскапывать спрятанные от Кота кости. Цветы перестали распускаться. А совсем было раскрывшаяся Роза от страха уронила лепестки, испустив дух, который долго еще носил легкий ветерок.

И тут это всеобщее бегство привлекло внимание Кота. Он даже испугался. Почему все убежали, если вокруг такая благодать, если пришла Весна? Грозы вроде не предвиделось, не дул холодный ветер, не срывал листьев, и дождь не шел, нигде на крышах не было видно ни капельки. Почему же все попрятались, когда пришла Весна и так прекрасно жить на свете? Должно быть, где-то поблизости Гремучая змея? Кот зорко посмотрел вокруг. Если это она, то он ее снова проучит, чтоб не таскала яиц, не крала птенцов, не ела цыплят и голубей! Но никакой Гремучей змеи не было. Это заставило Кота призадуматься. И тогда его осенило: да это же от него все убежали, убежали, потому что давно не слышали его мяуканья. Вот и перепугались.

Очень грустное открытие. Он даже перестал улыбаться, но потом решил не обращать внимания. В общем-то он был гордым Котом, какое ему дело, что о нем думают и говорят. И он, правда сделав над собой усилие, подмигнул Солнцу, это уже было настолько неожиданно, что огромный, много лет недвижно лежавший на одном и том же месте Камень покатился в кусты.

А Полосатый кот, вдохнув пришедшую Весну всей грудью и почувствовав себя легко и свободно, подумал, что было бы неплохо с кем-нибудь поболтать. Однако, оглядевшись, он никого не нашел. Все сбежали.

Все? Нет, не все. На ветке сидела сеньорита Ласточка и, глядя на Полосатого, улыбалась. Только она и не сбежала. Ее родители волновались и то и дело звали ее домой, но она сидела на ветке и улыбалась. А вокруг была Весна — мечта поэта.

Новые скобки, в которых я хочу представить читателю сеньориту Ласточку

(Где бы ни появлялась улыбающаяся и хлопотливая Ласточка, равнодушных из тех, кто достиг совершеннолетия не оказывалось. Совсем еще юная, она была окружена вниманием своих многочисленных поклонников. Одни ей объяснялись в любви устно, другие писали поэмы, а всем известный мастер серенад Соловей пел под ее гнездом, как только всходила Луна. Будучи со всеми в дружбе, Ласточка весело смеялась: сердце ее еще не знало любви. Легко перепархивала она с ветки на ветку, ко всему любопытная, со всеми разговорчивая, но сердцем свободная. Нет, нигде в округе не было такой милой и такой красивой Ласточки.)

Продолжение Весны

А вокруг была Весна — мечта поэта. И Полосатый тоже решил выразить свое весеннее отношение к Ласточке — этому прелестному крылатому созданию. Он сел, погладил лапой усы, но сказал только:

— А ты не сбежала?

— Я? Да ведь те, кто сбежал, трусы, а я нет. Я тебя не боюсь. Ты меня и достать-то не сможешь: у тебя нет крыльев. А ты, Котище, не только уродлив, но и глуп. Ну как же ты уродлив!

— Я уродлив? — Полосатый рассмеялся так, что задрожало дерево-гигант Пау Бразил. «Она его оскорбила, он съест ее»,— решил старый датский Пес. Преподобный Попугай — преподобный, потому что какое-то время он провел в семинарии, где научился молиться и произносить латинские изречения, что создало ему репутацию эрудита,— закрыл глаза, чтобы не быть свидетелем трагедии.

На этот счет у него были свои резоны: во-первых, он не выносил крови, а во-вторых, не хотел давать свидетельские показания, если дело дойдет до суда. Нудное это занятие. Да и нужно будет выбрать между правдой с плодами, что она принесет — крепкими затрещинами, расцарапанным клювом и бог весть чем еще, если Кот рассвирепеет,— и ложью, которая составит ему, Попугаю, славу коварного соучастника убийства. Ситуация не из легких. Лучше ничего не видеть. И он решил помолиться за душу Ласточки, пребывая в мире со своей «докучливой» совестью.

Ласточка тоже почувствовала, что переборщила. Испытав неловкость, она взлетела на ветку повыше и принялась со всем вниманием чистить перышки. А Полосатый, вместо того чтобы рассвирепеть, рассмеялся. И не на то, что она сказала, что он глуп, а на то, что уродлив. Он ведь считал себя красивым, даже неотразимым.

— Ты действительно находишь меня уродливым?

— Уродливым из уродливых,— подтвердила Ласточка.

— Не верю. Только слепой не видит моей красоты.

— Уродливым и самонадеянным.

На этом разговор прервался, так как встревоженные родители в страхе прилетели за Ласточкой и, выговаривая ей за неосмотрительность, увлекли за собой. Но Ласточка успела крикнуть:

— До скорого, уродина...

Вот так, именно так, несколько глуповато, началась история любви Ласточки и Полосатого кота. А поскольку для Ласточки она началась немного раньше, то следовало бы сказать об этом в первой главе. Но дело сделано: правила классического повествования нарушены, и теперь ничего не остается, как прервать наш рассказ и вернуться к началу. Однако это старый, вернее, устаревший прием в литературе. Но... Всему виной Весна. Она околдовала не только Кота, но и рассказчиков этой истории. Как видите, допущенную ошибку можно оправдать подобным заявлением, а можно и утверждать, и это солиднее, что мы революционизировали форму и структуру рассказа, и даже постараться заслужить похвалу критиков и знатоков литературы.

Глава первая, несколько запоздавшая, которой уже нет места

Сеньорита Ласточка была не только красива, но и безрассудна, точнее сказать — взбалмошна. Несмотря на то что она еще училась в школе, где Попугай преподавал закон божий, и родители не разрешали ей вечерами гулять одной, какая-то независимость у ней была. Она дружила со всеми, кто жил во дворе: с деревьями и цветами, утками и курами, собаками и камнями, голубями и озером — и разговаривала просто и откровенно со всеми, не задумываясь о рождавшихся у них к ней чувствах.

Тот же Попугай, который перед учениками разбирал добродетельные идеи и считался представителем уходящего прошлого, посматривал на нее хмельным глазом.

Однако, несмотря на всеобщую дружбу и знаки внимания, жизнь Ласточки нет-нет да омрачалась. И причиной тому был не кто иной, как Полосатый кот. Вот почему эта глава хоть с опозданием, но должна быть написана. Вернее, не Кот, а тот факт, что за все прожитое во дворе время она ни разу не сумела с ним поговорить. Это замкнутое, гордое, независимое существо не давало ей покоя. Частенько она следила за ним, когда тот спал на газоне или грелся на солнышке. Спрятавшись в листве дерева, она часами, раздумывая, смотрела на него. И почему этот уродец ни с кем не общается? Она знала все, все, что о нем говорили, но оторвать глаз от его розового носа и пышных усов была не в силах и начинала сомневаться в правдивости всех ходивших о нем слухов. Таковы ласточки, что тут поделать? Убедить их, когда они сомневаются, невозможно. Они упрямы и слушают только свое сердце.

АНТИРУБРИКА

Так вот, Полосатый был причиной, которая омрачала ясную и безмятежную Ласточкину жизнь. Иногда она даже переставала петь — уроки вокала она брала у Соловья,— когда внизу под деревом видела идущего к своему излюбленному месту Кота. Она снималась с ветки и летела вслед за ним. А однажды даже принялась развлекаться, бросая на его спину сухие, желтые листья. Кот продолжал спать, а Ласточка, скрытая ветвями, посмеивалась над ним, видя, как он лениво, когда листок ложился на его спину, приоткрывал один глаз и тут же, не видя никого рядом, закрывал его. Кот считал это шуткой Ветра. А поскольку еще в детстве он усвоил, что бежать за Ветром, чтобы поцарапать его когтями, бессмысленно, то ждал, когда тот сам уймется. Надоест же Ветру собственная шутка! Но на этот раз Ветер не унимался, и Кот счел разумным уйти и ушел. Ласточка же, довольная тем, что обратила Кота в бегство, улетела.

Вот в этот-то день и произошел между Ласточкой и Комолой коровой заслуживающий внимания разговор. О Корове, как об одной из персон двора, я упомянул еще в начале истории. Престиж у нее был не меньший, чем у старой Совы. Величаво-спокойная, торжественно-важная, осмотрительная и вместе с тем переменчивая в настроении и мстительная, она была потомком аргентинского быка и звалась Рашель Пусио. С теми, кого любила — с семейством уток, например,— она была очень добрая, а с теми, кого не любила — с назойливой Мухой, собаками и особенно Полосатым котом,— грубая и злая.

Кот ей не нравился потому, что она, такая уважаемая и благородных кровей, могла быть задета таким ничтожным, плюгавым созданием. Надо сказать, что природная осторожность уживалась в ней с ироничностью. Как-то, повстречав Полосатого на скотном дворе, куда тот забрел явно на промысел — слизнуть сливки,— она на смешанном испано-португальском наречии язвительно заметила:

— Такой сопливый, а с усами.

Однако это непростительно презрительное замечание Кот парировал, и очень удачно:

— Такая гранд-дама, а без бюстгальтера!

Обиженная Корова решила проучить его копытом, но Кот смылся. Весь двор взял сторону Коровы, и вечером выразить свою солидарность пришли все его обитатели. Корова безутешно и не переставая ревела. Среди пришедших был и Попугай. Чуть клюкнувший, он развлекал собравшихся услышанными еще на семинарской кухне анекдотами. Все и даже Корова очень смеялись, только потом Корова опять принялась реветь.

Когда Ласточка рассказала Комолой о своем сегодняшнем развлечении, та посожалела, сказав, что лучше бы она сбросила камень на голову Кота, чтобы разом с ним покончить. Это привело Ласточку в ужас, ведь она кидала листочки, чтобы привлечь его внимание и поговорить с ним.

— Поговорить с Котом? Сумасшедшая, ты действительно хочешь поговорить с ним? Бога ради, не будь глупой,— сказала она по-испански. Но испанский утомлял ее, и она перешла на португальский: — Ты что. не знаешь, что это плохой Кот и что, наконец, никакая Ласточка никогда не должна, если она не хочет компрометировать своих родителей, не только разговаривать, но и здороваться с Котом? Коты — враги Ласточек. Твои родственники только в их лапах и гибли. Не важно. были то Полосатые коты или нет.

Она продолжала свои наставления, понимая, что безумная собирается преступить давно существующий неписаный закон.

— Но он мне ничего не сделал плохого.

— Да, но он Кот и еще Полосатый!

— Так что из того, что он Кот и Полосатый? Ведь и у Полосатого кота есть сердце, как у каждого из нас...

— Сердце? — возмутилась Корова.— Кто это тебе сказал, что у него есть сердце? Кто? Мы-ы-ы?

— Я так думаю...

— Ты видела это его сердце? Ну говори, видела?

— Нет, видеть я не видела...

— Тогда что же?

И опять она долго говорила. Говорила об оскорбительном разговоре Кота с ней и снова ревела. Давала советы, предупреждала. Надо сказать, что давать советы было ее любимым занятием. Она извлекала из бабушкиных сундуков траченные молью правила хорошего тона, наставления относительно поведения молодой Ласточки на выданье, говорила о том, что́ Ласточка может делать, а что́ она делать не должна. Как, например, не должна разговаривать с Котами, и уж само собой с этим, Полосатым.

Ласточка слушала ее, как и подобает хорошо воспитанной девушке, но с грустью. Как же грустно, что она не должна разговаривать с Котом. Возможно, Корова и права, у нее ведь жизненный опыт. Только что тут плохого, если она все-таки заговорит с ним? Правда, она обещала никогда больше не бросать листьев на его спину, не привлекать его внимания и не разговаривать.

Но... чего стоят обещания порхающих Ласточек, и особенно молодых, с горячей кровью и жаждущим приключений характером. Так что не надо придавать им большого значения. Что касается меня, то я почти уверен, что, давая обещания, она и не думала, что их сдержит, потому что тут же последовала за Котом. И если она больше не бросала листьев на его спину, то совсем не из-за данного обещания, а из боязни, что он опять уйдет.

На этом наша вставная глава кончается, а история, прерванная ломкой структуры произведения или же литературно-изощренным приемом, продолжается.

Конец Весны

Родители Ласточки побранили ее, но не очень: они были ошеломлены собственным героизмом, так как ради спасения дочери рисковали лицом к лицу встретиться с Полосатым. Отец говорил:

— Мы любим нашу дочь, и мы ее спасли.

Мать отвечала:

— Мы хорошие родители и защитили ее.

И, с восхищением посматривая друг на друга, тут же окончательно и бесповоротно запретили ей приближаться к злому недругу. Но грубый запрет только разжег ее любопытство. Нет, сеньорита Ласточка не была из тех, кто тут же, после того как им скажут «не делай этого», делают как раз это самое. Наоборот, ласковая и послушная, она любила родителей, была хорошо воспитана, добра, приветлива и очень прислушивалась к разумным доводам. Однако как раз разумного довода по этому вопросу никто так и не привел. Поэтому вечером, приклонив голову на лепесток розы, что служил ей подушкой, она решила, что завтра же продолжит разговор с Котом.

— Он уродлив, но мил...— прошептала она, засыпая.

Что же касается Кота, то этой ночью он тоже думал о Ласточке. О Ласточке и подушке. Ведь Полосатый кроме того, что был зол и уродлив, был, как Иов, беден: он клал голову на свои собственные лапы. И, частенько мечтая о любви, ласке и сосисках, забывал о такой роскоши, как подушка.

Лег он поздно, потому что до полуночи гулял по двору, точил когти о кору деревьев, мяукал безо всякой видимой причины и чуть было не полез на крышу, где прошла вся его юность. Ароматы весны щекотали ему ноздри, а его большие пушистые усы все время беспокойно дергались. Он как-то по-особому себя чувствовал, его тянуло поиграть со щенятами, и он бы поиграл, если бы те не разбежались, заподозрив неладное, и не попрятались кто где. И вот, понимая, что с ним что-то происходит, что его одолевают какие-то неясные желания, он усомнился относительно своего здоровья.

— Уж не болен ли я? — И, приложив лапу ко лбу, отметил: — Вроде бы и температура...

Когда же он устроился на своей старой бархатной подстилке, то его глазам предстал цветок, а на цветке внимательные, широко поставленные глаза Ласточки. Разволновавшись, он решил пойти на озеро и выпить воды, но и с озерной глади на него смотрели глаза Ласточки. Теперь он видел Ласточку в каждом листе, в каждой капле росы, в каждом луче заходящего солнца, в каждой идущей на смену дня ночной тени. Потом он увидел ее и на Луне в красивом серебряном одеянии и душераздирающе мяукнул. Уснул он далеко за полночь. И ему приснилась Ласточка. За последние годы это было его первое сновидение.

Похоже, Полосатый влюбился? И теперь, когда все спят и не спит только старая Сова, я позволю себе пофилософствовать. Тем более что право философствовать имеет каждый рассказчик, и мне грех им не воспользоваться. Как известно, в любовь с первого взгляда верят не все, но кое-кто не только верит, но и утверждает, что именно она — единственно подлинное чувство. Следует заметить, что и те и другие правы по-своему: ведь любовь живет в сердце каждого постоянно, но ярким пламенем вспыхивает только с приходом весны. Реже зимой. Но, как правило, весной. Однако это уже совсем иная тема, и лучше не путать разные вещи.

Так вот, любовь вспыхивает внезапно при виде другого существа, как знакомого, так и впервые увиденного. В этом последнем случае мы называем ее любовью с первого взгляда. Именно такой была любовь Полосатого кота к Ласточке. Что же касается любви Ласточки к Полосатому коту, того, что происходило в ее маленьком, хотя и смелом сердце, то тут я ответить не берусь. Не так я глуп, чтобы считать себя способным понять женское сердце, тем более сердце Ласточки.

Однако совсем не эти соображения тревожили Кота в ту злополучную ночь. Он даже не думал, что влюблен. Подобная идея ему в голову не приходила. Когда он был молод, то влюблялся каждую неделю, вернее, со вторника по пятницу, оставляя субботу, воскресенье и понедельник для отдыха. Влюблялся, разбивал сердца кошек самых разных расцветок и даже одной серой крольчихи и одной молодой рыжей лисицы. Но это было так давно, что ни имен, ни событий он не помнил. Жил, как уже говорилось, тихо, спокойно в своем углу, грелся на солнышке, подставлял ласковому ветерку свою шкуру, дышал свежестью летних ночей и приятной прохладой зимних дней. А тут пришла Весна и все изменила.

На следующий день, как только Кот проснулся и умылся, на ум ему пришла Ласточка: сон не шел у него из головы. Во сне он спорил с Ласточкой о красоте и уродстве.

— Вчера ты был болен,— сказал он себе.— Выкинь все это из башки! — И пошел во двор.

И вот Полосатый во дворе. Лежит себе на травке, вытянувшись во всю длину, впитывает всем своим существом весеннее тепло, но закрыть глаза, как это делал он раньше, не может. А ведь он знает по опыту: с закрытыми глазами и тепло и ветерок приятнее. Но не может. Они сами смотрят на то дерево, где вчера сидела Ласточка. Когда же именно это доходит до его сознания, он злится, отводит глаза в сторону и, тихонько ворча себе под нос, ищет другие пейзажи. Он смотрит на щенков, что носятся взад и вперед (вот идиоты, не знают, чем заняться!), на одевшиеся листвой деревья, на готового приступить к утренней молитве Попугая. Крыло Попугая прижато к сердцу, глаза устремлены в небо. Видя это елейное существо, Кот показывает ему язык. Попугай прерывает молитву и приветствует Кота:

— Добрый день, дражайший сеньор Полосатый кот. Как здоровьице, в порядке?

АНТИРУБРИКА

Кот даже ухом не ведет. Его глаза прикованы к дереву, на котором сидела Ласточка. И пока Кот ждет Ласточку, я объясню его отношение к Попугаю. Если вы решили, что, показав ему язык, Кот тем самым выразил свое отношение к религии, то это глубокое заблуждение. Все значительно проще: Кот не любит ханжества. А Попугай — всем известный ханжа.

Как-то Старая Сова, которая прекрасно знала всех обитателей двора, сказала Полосатому, что под маской религиозности Попугай скрывает свое распутство. Ведь он делал недостойные предложения и Белой уточке, и курице Карижо, и Горлинке, которой сам же преподавал катехизис, а ей, Сове, несмотря на ее преклонный возраст, нашептывал сомнительные комплименты. А случай с Попугае-голубем? О-о-о! Это стоит рассказать. Так вот, в семье Почтового голубя на свет появился очень странный сын: голубь, говорящий по-человечьи. Надо сказать, что кроме врожденной глупости Почтовый голубь имел еще одно несчастье: жизнь его проходила в постоянных разъездах, он развозил корреспонденцию во все концы света белого. Официально этот странный сын считался его сыном, но Сова говорила, что здесь не все чисто. Кто в нашем дворе, кроме Попугая, знал человечий язык? Собаки? Да, знали, вернее, понимали, но говорить не говорили. А тут в доме Почтового голубя, как раз в дни его отсутствий, дневал и ночевал Попугай, конечно же под предлогом духовного общения с Голубкой. Счастье его, что Почтовый голубь — существо бесхарактерное.

Полосатый никогда не был блюстителем нравственности. И всегда сторонился сплетен, что ходили вокруг закоренелого многоженца мусульманина Петуха, который, что ни день, пополнял свой разнообразный гарем, и вокруг многобрачных по убеждению голубей, и однолюба Черного селезня, однолюба по обстоятельствам: во дворе была всего-то одна-единственная уточка. А вот голуби и Черный селезень осуждали Петуха. К ним присоединялась Корова. Она всегда укоризненно покачивала головой. Кота же все это не волновало. Он был за свободу в вопросе любви, но не выносил таких ханжей, как Попугай.

Рассказывая все это, я надеялся, что на дереве появится Ласточка, но она не появилась. И Полосатого кота мы видим совсем не в том хорошем расположении духа, в каком его оставили. Игривое настроение, с которым он вчера проснулся и почувствовал необычайную легкость, исчезло. Глаза погрустнели. Пышные, огромные усы повисли. А это был знак, не предвещающий ничего хорошего, ведь кошачьи усы — показатель жизненного тонуса.

Полосатый опять взглянул на дерево. Сколько же раз он уже это делал. Ласточки не было. Глаза его затянула пленка. Почему так сжимается сердце? Весна!

Вдруг он поднялся. Почему? Он не мог этого объяснить. Возможно, потянуло на солнце. Поднялся и пошел. И тут заметил, что не властен над своими лапами; они несли его без его ведома к дереву, на котором жило семейство Ласточек. Оно росло по другую сторону двора.

Родителей Ласточки дома не было: они отправились за пропитанием. А сама она, еще издали завидев Кота, с улыбкой поджидала его. Под деревом Кот остановился и, оглядевшись, понял, куда пришел. Понял и разозлился. Что я здесь делаю? И тут же повернул обратно. Вот черт! Лапы точно свинцом налились! И тут он услышал ласковый голос:

— Где же ваше здрасте, невоспитанный?!

— Добрый день...— хрипло мяукнул Кот.— Сеньорита Ласточка, будьте добры...

И потому, что глаза его были печальны (он особенно был некрасив, когда печален), она снизошла:

— Говорите, говорите... Можете звать меня просто — сеньорита, если вам это приятно... А я буду звать вас — урод.

— Но я же не урод.

— Вот тебе на! Какая самоуверенность! Да вы самый уродливый из всех уродливых. Рядом с вами Сова просто красавица...

«В конце концов,— подумал Кот,— что я тут делаю? Эта молодая Ласточка лишена всякого уважения ко мне! (Неужели я хочу, чтобы она меня уважала?) Нападает, оскорбляет, называет уродом. Это ведь явное попустительство с моей стороны. Кто, собственно, она такая? Ученица Попугая! Студенточка! Что у нее может быть в голове? Да и о чем с ней может разговаривать серьезный, много повидавший и образованный, образованнее многих, во всяком случае в этом и соседних дворах, красавец Кот?» И он решил уйти и никогда больше рта не раскрывать в ее присутствии. (Однако свинец в ногах! Тонны свинца...) Но он решил быть вежливым:

— Всего хорошего...

— Вы обиделись... Тогда у вас, пожалуй, больше самомнения, чем уродства.

«С чего это она так запела?» Но теперь ему не подчинялись не только ноги, но и рот, он расплывался в улыбке. Явный заговор, заговор против себя самого. А Ласточка — красавица полей, юность которой никто не мог оспорить, не умолкала:

— Не надо уходить. Я же не называю вас больше уродом. И иначе как «красавец» и не буду называть.

— И этого не надо...

— Тогда как же вас называть?

— Кот.

— Кот — не могу.

— Почему?

Похоже, тут опечалилась Ласточка. Теперь в ее глазах не было искорок смеха. И Кот спросил:

— Почему же не можете?

— Потому что с Котом я не могу разговаривать. Коты — враги Ласточек.

— Кто это вам сказал?

— Я сама знаю, что это так.

Кот стал мрачнее тучи. Но Ласточка, которая не любила печальных лиц, продолжала:

— Но мы, мы ведь друзья, так?

— Конечно.

— Тогда мы можем разговаривать.— И тут же добавила:— Только сейчас уходите, возвращаются мои родители, встретимся позже у сливы. Уродище...

Кот засмеялся и скрылся в густой траве. Он снова был весел и, пока шел, все время

перебирал в уме свой разговор с Ласточкой. Ее мелодичный голос звучал в его ушах: она не может разговаривать с Котом. Коты плохие: они едят Ласточек. Доля правды, конечно же, в этом была. Действительно, нехорошо есть таких хрупких и красивых созданий, как сеньорита Ласточка.

И вот он прилег под пышно цветущей сливой. Вскоре появляется Ласточка. Описывая круги, она кружится в веселом весеннем танце. Провожая ее глазами, Соловей издает любовную трель, заполняющую все закоулки двора. Петух бьет крыльями. Ласточка садится на ветку, и разговор возобновляется.

Я не буду приводить их диалоги, потому что в общем они все очень похожи, особенно любовные, хотя не зарекаюсь, может, по ходу дела какой и приведу. Пока скажу только, что всю весну они провели в разговорах. И говорили даже тогда, когда вроде бы и говорить было не о чем И не только говорили, но и гуляли по двору: он бегал по земле, она летала по небу,—открывая все новые и новые укромные уголки, любуясь многоцветием распускавшихся цветов, наслаждаясь нежностью бриза и радостью, наполнявшей их самих и все окружающие их предметы. А может, во всех окружающих их предметах радость была и раньше, а они ее не замечали? Ведь наши глаза — поверьте мне — могут видеть, а могут и не видеть. Все зависит от сердечного настроя.

Теперь они уже были на «ты». И Кот каждое утро ее спрашивал:

— Что это ты сделала с собой за ночь? Сегодня ты еще красивее! Красивее, чем вчера, и гораздо красивее, чем в моих снах.

— Расскажи, пожалуйста, свой сон. К сожалению, мне снился страшный урод — ты...

Тут они оба принимались смеяться: он глухим смехом, она — серебристым, переливчатым смехом юной Ласточки. Вот то, что случилось Весной.

Лето

Эта глава очень короткая, потому что жаркое Лето со звездными ночами пролетело мгновенно. Счастливое время всегда пролетает мгновенно. Ох, какое же сложное существо Время. Стоит только пожелать, чтобы оно шло помедленнее, не торопилось,— оно летит так, что часа не заметить, а пожелаешь, чтобы неслось быстрее мысли, потому что тебе плохо,— тянется так, что и минута вечностью кажется.

Вот для Кота и Ласточки это лето было коротким. Оно пролетело за прогулками по двору, разговорами в тени деревьев, улыбками, выразительными взглядами, доверительным шепотом и даже... размолвками.

Не знаю, стоит ли говорить о размолвках? Но объяснить их причину — а она была всегда одна и та же — надо. Кот часто встречал Ласточку в обществе Соловья — Соловей учил ее пению, он был ее учитель — и расстраивался. Усы у него повисали, глаза темнели. Внезапные приступы меланхолии выливались в тяжелое молчание. Ласточка не могла понять поведение Кота, ведь о любви между ними речи не было, а Соловья она считала за брата.

И вот в один из дней, когда урок продлился дольше обычного и усы Кота стали мести пол, Ласточка не выдержала и попросила объяснения. И Кот сказал:

— Если бы я не был Котом, то попросил бы твоей руки...

Ласточка умолкла, точно онемела. Неожиданность? Не думаю. Она уже догадывалась, что происходит в сердце Полосатого. Рассердилась? Тоже нет. Такие слова скорее радуют сердце. Испугалась. Ведь он — Кот, а Коты — враги Ласточек.

Пролетая совсем низко, она коснулась его своим левым крылом, и он услышал, как стучит Ласточкино сердце. Потом она поднялась в небо и взглянула на него с высоты. Это был последний день Лета.

Опять скобки, а в скобках пересуды

(«Где это видано,— говорила Корова Попугаю,— чтобы представительница пернатых завела любовь с отпрыском семейства кошачьих? Где, где такое видано?» — «Да, действительно,— вторил ей Попугай,— где видано, чтобы Ласточка и Кот искали встреч в укромных углах двора? Святая Мария! Все только о том и говорят. Но я не хочу, не хочу в это верить. Отец святой, возможно ли? Кот хочет жениться на Ласточке! Спаси и помилуй, царица небесная! Аминь!» — «Где это видано,— говорил Голубь Голубке,— где видано, чтобы Ласточка гуляла с Котом? Ведь испокон века: голубь с голубем, гусь с гусыней, кот с

кошкой, курица с петухом. А тут Ласточка и Кот!» — «Да, ну и времена, ну и нравы! Утрачено уважение к законам. Конец света!» — отвечала Голубка. «Подумай только,— скулил Суке на ухо Старый пес,— гуляя с Котом, бедняжка Ласточка даже не подозревает, что Полосатый лишь случая ждет, чтобы ее слопать».— «Негодяй,— сокрушалась Сука,— что можно ждать другого? Слопает, обязательно слопает».— «Что за неосмотрительность, ай-ай-ай,— крякал Селезень.— Глупая Ласточка. Это же опасно и а-мо-раль-но! Она болтает с Котом, словно он и не Кот вовсе. А он — Кот, и даже хуже: полосатый. Преступник, по одежке видно, что преступник».— «Да уж, да уж, да уж. Ведь утка с селезнем, кот с кошкой, курица с петухом...» — поддакивала утка. Перешептывались и деревья, особенно когда их трепал ветер: «Где это видано? Где это видано? Где это видано?» И цветы. Каждый порознь они убеждали Землю: «Ласточка не может, не может, не может быть женой Кота!» И все хором: «Это смертный грех!» Дошли все эти пересуды до отца и до матери Ласточки. «Наша дочь,— сказал рассерженный отец,— ведет себя недостойно. Она гуляет с Полосатым котом».— «Нашу дочь пора выдать замуж»,— ответила мать. «Но за кого?» — «За Соловья. Он уже просил ее руки». Этот брак двор одобрил: «Вот это партия! Соловей красив, мил, прекрасно поет и из пернатых! Да и где это видано, чтобы Ласточка и Кот женихались, где?» И Попугай: «Аминь, аминь, аминь!»)

Осень

И вот пришла Осень. Полетели с деревьев листья. Загулял, стараясь согреться, по двору холодный, свистящий Ветер, нагнал облака. Небо посерело, нахмурилось. Сменилось время года, сменилось и отношение обитателей двора к Полосатому коту. Нет, его не перестали ненавидеть, не перестали помнить его преступное прошлое. Нет. Но бояться перестали. И жалкие сплетни и пересуды переросли в молву. Раньше, если вы помните, Кот одним-единственным приоткрытым глазом наводил трепет на окружающих. А теперь? Теперь никто его не боялся и каждый громко осуждал его прогулки с Ласточкой. Почему? Да потому, что Кот всю весну был доволен и весел. Никому не угрожал, не мял цветов, не поднимал шерсть дыбом, не шипел, не топорщил усы. Он стал мягок и любезен. Первым приветствовал встречных, не то что в былые времена, когда даже ухом не вел в ответ на обращенное к нему «добрый день».

Пожалуй, даже отмечу, что он стал добр и великодушен, и постараюсь подкрепить свое заявление наиболее разительным фактом из его жизни: Кот изгнал Гремучую змею, когда та вновь изволила пожаловать во двор. Все, кто там был, попрятались, даже храбро лаявший щенок-датчанин.

А Кот... атаковал Змею, предупредив ее прыжок ударом своей когтистой лапы. И она убралась восвояси и больше не появлялась.

Но поступок Кота оценила только Ласточка. Все же остальные сочли происшедшее за желание Кота выглядеть героем. Корова, так та просто сожалела, что поражение потерпела Змея. А Попугай расценил случай как «заурядное бахвальство».

Так что дурная слава Кота так дурной и осталась. Разве что все теперь считали, что хоть Кот и плох, но не опасен. Во всяком случае теперь. Должно быть, стареет и уже не те силы, а потому и старается восстановить со всеми добрые отношения. Попугай так даже стал питать иллюзии, что войдет в дружбу с Полосатым и сможет использовать его против своих врагов. Ну хотя бы против Селезня, что за спиной плетет о нем всякие гнусности. Сближение с Попугаем Кот вынес терпеливо (все-таки он преподает закон божий Ласточке), но от дружеских отношений ушел. На что тут же разобиженный Попугай ответил новой инсинуацией: Кот так любезен потому, что безнадежно болен. Он на пороге смерти и готов искупить свои грехи.

Но ни в коем случае не принимайте все вышесказанное за злобность мира. Ведь дурная слава Кота родилась не сегодня, она стара и закоренела. А потому как могли окружающие понять, что вошедшая в жизнь Кота Ласточка вот так все сразу изменила? Как могли они за сумрачной угрюмой внешностью и под ставшей дыбом шерстью углядеть нежное сердце?

А оно было такое нежное, что изливалось в стихах в то первое осеннее утро. Полосатый писал сонет. Кутаясь в свое меховое манто, Кот (он был чувствителен к холоду) считал, загибая когти, слоги и искал рифму в толстом словаре, авторство которого принадлежало известному грамматику Муравьеду-филологу, академику, получившему национальную литературную премию. Да, Кот писал сонет. Я получил копию этого единственного литературного произведения Кота от очень серьезного лица, живущего в стороне от всех передряг двора, от жабы Куруру, которая в свободное от ловли мух время занялась критическим разбором этих ужасающе плохих, согласно ее мнению, стихов. Кроме того, Жаба обнаружила плагиат, чудовищный плагиат.

Но чтобы читатель мог составить собственное мнение о сонете и брошенных жабой Куруру обвинениях в адрес его автора, я приведу на отдельной странице это лирическое произведение. Именно на отдельной странице, так как здесь им не место,— это же не альбом для душещипательных стихов, тем более плохих, а возможно, и плагиата. Ведь я пересказываю историю, которую рассказал Ветер Заре, а Заря Времени, чтобы получить Голубую розу. Вот почему я снова открою скобки, но на этот раз для поэзии.

К тебе же, читатель, у меня просьба: не будь поспешен в суждении о поэтичности

написанного сонета. Знай, что в меховое манто Кот кутался, чтобы спрятаться не только от холода, но и от любви. И поэзия не всегда в стихах, подчас она в сердце и такая огромная, что не вмещается в рифмованные строки.

Поэтические скобки

СОНЕТ О НЕВОЗМОЖНОЙ ЛЮБВИ

Посвящается сеньорите Ласточке

Ласточка сеньора,
Ласточка сеньор,
Ласточка хлоп-хлоп крыльями
И улетела.

Печальна жизнь моя, печальна,
Ни петь не умею, ни летать,
Нет крыльев у меня и перьев,
Не знаю, как сонет писать.

Безумно Ласточку люблю я,
Хочу жениться я на ней,
Но Ласточка нет, нет, не может,

Не может быть она моей,
Потому что я Полосатый кот.
Вот!

ПОЛОСАТЫЙ КОТ

Постскриптум.

Чтобы читатель по достоинству и без колебаний смог оценить эти стихи, я открываю новые — критические — скобки, тем самым давая ему основательную базу для суждений. Очень может быть, что читатель удивляется: что же это за история? Она все время прерывается разными скобками, которые позволяют автору пребывать в безделье, а может, и спать — что станет ясно позднее,— вместо того чтобы распутывать клубок событий и познакомить с глубокой критической статьей известной жабы Куруру, критика, профессора, академика. Но слово автору.

Критические скобки. Написано по просьбе автора действительным членом Академии жабой Куруру

Анализируемое стихотворное произведение страдает не только отсутствием глубины мысли, но и многочисленными погрешностями в области формы. Язык его несовершенен. Грамматические конструкции не соответствуют классическим канонам, запечатленным в творчестве прославленных поэтов, метрика стиха, кою необходимо строго соблюдать, хромает, рифма, которую всякий поэт должен стремиться обогатить, обеднена настолько, что вызывает улыбку сострадания.

Однако самый непростительный факт — факт плагиата: первый катрен вышеупомянутого сонета — чистейшей воды плагиат непристойной карнавальной песенки, цитату из коей мы позволим себе привести:

Тараканчик сеньор,
Тараканчик сеньора,
Тараканчик хлоп-хлоп крыльями
И улетел.

Плагиатор, которого я схватила за ушко, чтобы, как вора, а он таковым и является, предать суду общественного мнения,— один из самых злейших в своем роде: он заимствует самые низкопробные стихи. И у кого? У простонародья! Ведь если его интеллект слаб и не способен создать собственное совершенное творение, то ему следовало бы подражать перу таких великих мастеров, как Гомер, Данте, Вергилий, Мильтон или Базилио де Магальяэнс.

Все еще Осень

Обсудив и осудив сонет Полосатого кота, вернемся к нашей истории, считая, что никакого сонета не было и в помине, ведь он, этот сонет, в нашей истории должен появиться значительно позже.

А история развивалась следующим образом: в последний день лета, после той встречи Ласточки и Кота, Кот имел беседу с Совой. Старая Сова, как уже сказано, была единственной из всех живущих во дворе, кто уважал Полосатого кота. И Кот, тоскуя по Ласточке, которая, выслушав объяснение, улетела и не возвращалась, и понимая противоречивые чувства, трепетавшие в ее груди, решил поговорить с Совой. Сова, очнувшись от своего стариковского сна, открыла глаза.

Кот влез на дерево, сел рядом с ней и заговорил. Вначале он говорил на отвлеченные темы. Но Сова, будучи прозорливой, тут же поняла, что привело к ней Полосатого, и решила не скрытничать. Она рассказала Коту не только все дворовые сплетни (Кот от сплетен просто обезумел), но и высказала свое мнение:

— Ну что тут, друг, поделаешь! И как тебе такое пришло в голову? Жениться на Ласточке! Да ведь подобного свет не видывал. Ведь если бы даже она тебя и полюбила,— но кто тебе такое сказал? — то все равно это невозможно. Ведь с сотворения мира никто не припомнит, чтобы ласточки в брак с котами вступали. И это сильнее любого закона. Ты говоришь: «Она меня любит, и все зависит от нее...» Может быть, любит, очень даже верю... Но брак невозможен. И то, что брак невозможен, ей известно лучше, чем кому-либо другому. Ведь и ее бабка, и ее прабабка, и все, все ласточки на свете придерживались этого негласного закона. И, чтобы его отменить, нужна революция...— И, покачав головой, добавила: — Конечно, было бы неплохо, чтобы произошла эта революция. Мы все в ней нуждаемся, прямо надо сказать.

Кот молчал, он даже не заикнулся о том, что мечтает видеть Ласточку рядом с собой на старой бархатной тряпке, как видно, бедняга забыл, что ласточки спят в гнездах на деревьях. Попрощавшись с Совой, он и написал свой сонет. На это трудное для Кота дело ушла вся ночь и часть утра, а что из того получилось, уже известно. Труд оценен.

И все же в первый осенний день Кот Ласточку увидел. Она была серьезной: не улыбалась, не радовалась и не выказывала своего к нему расположения, что бывало особенно приятно Коту. Надо сказать, что и Кот не мог скрыть своей печали: слова Совы тяжело легли ему на сердце. Молча обошли они те места, где так часто бывали Весной и Летом. Перекинулись несколькими словами, явно стараясь не касаться волнующего обоих вопроса.

Наконец Ласточка стала прощаться. Кот преподнес ей сонет. Она поднялась в воздух, покружилась несколько раз над его головой; в глазах ее стояли слезы.

Следующий день был самым долгим осенним днем, потому что Ласточка не появилась. Напрасно Кот ходил вокруг да около дерева, на котором было гнездо,—ее видно не было. Вечером Кот всем припомнил их сплетни: вспугнул Черного селезня, навел смертельный ужас на возносящего вечернюю молитву Попутая, разодрал морду датского Пса, украл в курятнике яйца, но не для того, чтобы их съесть, а чтобы бросить их в поле — верх безобразия! И опять двор затрепетал перед Полосатым котом. Открыто сплетничать прекратили. Начали перешептываться.

На третий день Осени Почтовый голубь бросил Коту (кто же решится приблизиться к этому чудовищу?) весточку, которую тот читал и перечитывал до тех пор, пока не выучил наизусть. Это было печальное, все ставящее на свои места письмо от Ласточки. «Ласточка,— писала она,— никогда не может выйти замуж за Кота, и поэтому мы не должны больше видеться». И тут же добавляла, что никогда не была так счастлива, как этой Весной и Летом. И заканчивала: «Всегда твоя сеньорита Ласточка».

Она поклялась с ним не встречаться, но, как уже было сказано, чего стоит клятва порхающей Ласточки. И снова они бродили по двору, по их любимым уголкам, только разделенные стеной молчания.

Так прошла Осень — скучное, серое время, когда деревья теряют свою листву, а небо — голубизну. Поскольку Полосатый опять держал в страхе обитателей двора и опять жил в полном одиночестве, ни с кем не общаясь, он не знал, что в доме Ласточки трудились три Ткачихи-Паучихи, готовя невесте приданое. В начале Зимы должна была состояться свадьба Ласточки и Соловья.

В последний день Осени, сырой и мрачной, появилась подгоняемая стонущим от холода Ветром Ласточка. Она горела желанием обойти все те места, где Весной и Летом пришла к ней любовь, была шумна и разговорчива, нежна и кокетлива, как будто вдруг пала установившаяся между ними стена молчания. То была прежняя весенне-летняя Ласточка, чуть-чуть взбалмошная, и Кот в волнении следил за ней.

До глубокой ночи бродили они по двору. Наконец она сказала, что это их последний день. Завтра она выходит замуж за Соловья. Ведь Ласточка не может выйти замуж за Кота. И как уже было однажды, пролетев над ним, коснулась его левым крылом. Это был своеобразный поцелуй. Но на этот раз Кот не услышал биения ее сердца — его удары были слабы. Ласточка не обернулась.

Зима

Эта глава должна быть очень длинной, потому что начало Зимы — время мучительное. Но зачем говорить о грустных вещах, зачем рассказывать о ставших снова такими злыми глазах Кота? О них говорилось в письмах, разносимых Почтовым голубем во все соседние дворы. Получила это известие и Гремучая змея и задрожала. Ведь в письмах говорилось о злобе Кота и его одиночестве. Оно было таким безграничным, что потрясло Чайную розу, и она доверительно шепнула своему возлюбленному Жасмину:

— Бедняжка Кот! Он так одинок, у него нет никого и ничего в целом мире.

Как же обманывалась Чайная роза, говоря, что у Кота никого и ничего нет в целом мире! Как раз наоборот. У него был целый мир! Мир сладостных воспоминаний. Не скажу, конечно, что Кот был счастлив и не страдал. Страдал, но в отчаяние не приходил, так как питался воспоминаниями. Но как известно, счастье питается не только воспоминаниями, но и мечтами о будущем.

И вот в один из зимних дней состоялось бракосочетание Ласточки и Соловья. Праздник был на славу. Стол ломился от сластей и шампанского. Петух, бывший свидетелем жениха на свадьбе, держал речь. Он говорил о добродетелях и обязанностях хорошей супруги. И о верности супругу... умолчав, конечно, о верности супруга (он не ханжа), зачем говорить об этом? Всем же известно, что у него, мусульманина,— гарем. Венчание состоялось на апельсиновом дереве — чудесный уголок двора! Чтобы совершить обряд венчания, из далекого мо-

настыря прилетел преподобный Урубу. Его проповедь тронула сердца присутствовавших. Мать Ласточки рыдала.

И вот в тот самый момент, когда свадебный кортеж покидал апельсиновое дерево, Ласточка увидела Кота Он, как и прежде, сидел на своем обычном месте. Улучив момент, чтобы никто не видел, она бросила ему из своего невестиного букета лепесток красной розы. Лепесток упал Полосатому на сердце и заалел каплей крови.

Но, чтобы история моя закончилась весело, я должен описать праздник, который имел место в доме родителей Ласточки, рассказать один-другой анекдот, которым Попугай развлекал приглашенных. А приглашены были все, все, кроме Кота. Но обо всем том во всех подробностях рассказала Заря Времени. Она рассказала и о нарядах, и об убранстве дома, и об угощениях. Думаю, что читатель без труда, если ему захочется, может вообразить все это в соответствии со своей фантазией. Скажу только, что птичий оркестр, звуки которого долетали до кошачьего слуха, был необычайно слаженным. Сердце Кота сжималось. Теперь ему не о чем было мечтать, нечем питать мечту о невозможной любви и будущем. У него просто не было будущего. Светлый день свадьбы Ласточки стал для Кота темной ночью. Ночью без звезд. Сердце его кровоточило, о чем свидетельствовал алевший на его груди лепесток красной розы.

Ночь без звезд

Музыка разрывала сердце. Свадебные песнопения казались нескончаемым похоронным маршем. Прижимая к сердцу лепесток красной розы, Кот окинул взглядом в последний раз зимний двор и медленно пошел прочь. Где-то далеко-далеко за пределами двора жила всеми отвергнутая Гремучая змея. Туда, на край света, туда, где сходятся все дороги жизни, и отправился наш Полосатый.

Около дома молодоженов он задержался и увидел их. Они его тоже увидели, вернее, Ласточка услышала его неслышные шаги. И тут с неба, прямо на лепесток красной розы, что-то упало и засверкало. То была Ласточкина слеза, вернее, искрящаяся любовью звезда, которой суждено было осветить одинокий путь Полосатого в ночь без звезд.

На этом история, которую рассказал Ветер Заре, а Заря Времени, чтобы получить Голубую розу, заканчивается. В первые весенние дни Заря приколет эту заслуженную награду к своему светлому платью, и займется удивительно голубой день.

«Аминь»,— заключил Попугай.

■

ГЕРХАРД АМАНСХАУЗЕР

Беседа с композитором

Перевод с немецкого ТАТЬЯНЫ РАЙСКОЙ

А. Г-н композитор, плекотическая музыка, собственно, музыка летучих мышей; не кажется ли вам, что столь необычное название может навести на мысль, что своими композициями в ультразвуковой области вы намереваетесь подурачить людей?

К. В искусстве при обозначении новых направлений часто встречаются нелепые названия, к которым впоследствии привыкают. Над новой музыкой всегда вначале смеются.

А. Но сегодня в каменоломне «Тугое ухо» никто не смеялся Слушателей, которым в программе предлагалось «непринужденно двигаться вокруг источника звука», скорее охватило чувство растерянности. Причем это была публика, приветствующая все виды музыки и готовая принять и признать непривычное. Время скандалов, слава богу, миновало. Но как человек может одобрительно относиться к музыке, которую он не слышит?

К. Новую музыку вначале никто не слышит. Ее обычно начинают слышать позднее.

А. Но предпосылкой является все-таки тот факт, что тоны воспринимаются ухом.

К. Тоны всего лишь небольшая часть в мире шумов. Тоновая музыка очень бедна.

А. Но шумы ведь тоже нужно вначале услышать. Если их не слышат, значит, их и нет.

К. Вы полагаете, что то, чего не способны воспринять жалкие органы чувств, не существует?

А. Г-н К, а вы сами слышите свою музыку?

К. Я слышу ее так же, как старый Бетховен слышал свои поздние квартеты.

А. Стало быть, ушами вы ничего не слышите?

К. Ушами мою музыку я пока не слышу. Но я стараюсь ее услышать. Мои же дети или дети моих детей непременно услышат ее. Самые простые места в моей музыке некоторые дети уже услышали.

© Residenz Verlag, Salzburg und Wien, 1979.